

Шумкин В.Я.

НЕОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОР:
ПАМЯТИ АРХЕОЛОГА АБРАМА ДАВИДОВИЧА СТОЛЯРА

Шумкин, Владимир Яковлевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, Россия, Санкт-Петербург, shumkinv@yandex.ru.

Про знаменитого почетного профессора Санкт-Петербургского государственного университета, археолога Абрама Давидовича Столяра, преподававшего на кафедре археологии более 50 лет и возглавлявшего ее почти 25 лет, написано и сказано немало. Это и воспоминания, и разные студенческие байки, и легенды, многие из которых, правда, принадлежат не очевидцам и участникам событий, а являются нередко пересказами, часто далекими от реально случившегося и упускающими многие детали, которые содержали обычно более интересные моменты, а зачастую и значительно искажающими суть происходившего. Последнее особенно присутствует на студенческом сайте «Столяр рунит...». Несмотря на разнообразие ситуаций в этих, часто с любовью написанных заметках, пожалуй, незаслуженно редко уделяется место еще двум «ипостасям» этого многогранного человека: участие в войне и бытовая экспедиционная жизнь. Учитывая эти упущения, я осмелился несколько заполнить данный «пробел», представив на ваш суд некоторые свои воспоминания именно по этим темам, как непосредственный свидетель и участник событий. Будучи знаком с преподавателем кафедры археологии ЛГУ/СПбГУ А.Д. Столяром с 1965 г., а в последние 40 лет получив от Учителя «привилегию» называться его личным другом, которую всегда осознавал и до сих пор считаю за особую честь и доверие Мэтра, будучи в эти годы неоднократно в совместных с ним лекционных, экскурсионных, экспедиционных поездках в Норвегии, Швеции, Финляндии, Эстонии, на Кольском полуострове, помня памятные «застольные» беседы и дискуссии у него и у меня дома, предлагаю небольшой очерк «по следам» разных, на мой взгляд, симптоматичных событий.

Ключевые слова: А.Д. Столяр, археология, экспедиция, Великая Отечественная война.

THE EXTRAORDINARY PROFESSOR:
IN MEMORY OF THE ARCHAEOLOGIST ABRAM DAVIDOVITCH STOLYAR

Shumkin, Vladimir Yakovlevitch—Candidate of Science in History, the Senior Research Fellow, the Institute of history of material culture of Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Saint-Petersburg, shumkinv@yandex.ru.

A lot has been written and said about the famous Honorary Professor of St. Petersburg State University Abram Davidovitch Stolyar, who taught at the Department of Archaeology for more than 50 years and headed it for almost 25 years. These are memories and various student stories and legends, many of which, however, do not belong to eyewitnesses and participants of the events, but are often retellings, often far from what really happened and missing many details that usually contained more interesting moments, and often significantly distort the essence of what happened. The latter is especially present on the student website “Stolyar

rules ...” Despite the variety of situations in these often lovingly written notes, perhaps undeservedly too rarely paid to two more “hypostases” of this multi-faceted person: participation in the war and everyday expedition life. Given these omissions, I dared to fill in this “gap” somewhat by presenting to your court some of my memories on these topics, as a direct witness and participant in the events. Being in contact with the teacher of the Department of Archaeology of LSU-SPbSU A.D. Stolyar since 1965, and in the last 40 years having received from the Teacher the “privilege” to be called his personal friend, which I have always been aware of and still consider as a special honor and trust of the Teacher, being in these years repeatedly in joint lecture, excursion, expedition trips in Norway, Sweden, Finland, Estonia, on the Kola Peninsula, remembering the memorable “table” conversations and discussions at his and at my home, I offer a small essay “in the wake” of various, in my opinion, symptomatic events.

Key words: A.D. Stolyar, archaeology, expedition, the Great Patriotic war.

Вот уже почти семь лет как нет с нами дорогого учителя, почетного профессора СПбГУ Абрама Давидовича Столяра, а память часто возвращается к образу этого замечательного человека. И порой очень горько сознавать, что уже нельзя напрямую обратиться к Абраму Давидовичу, встретиться с ним, поделиться своими успехами, неудачами, сомнениями, посоветоваться, услышать его мудрые советы, напутствия, замечания, да просто дружеский голос. Поэтому я нередко пересматриваю на компьютере фрагменты полнометражного документального фильма «Предки», снятого в моей квартире мурманским режиссером Светланой Боковой (студия РЕКа) за пару лет до кончины Абрама Давидовича с его участием в качестве центрального героя. Воспоминаний и разных студенческих баек и легенд о знаменитом профессоре А.Д. Столяре немало, многие из них, правда, принадлежат не очевидцам и участникам событий, а являются нередко пересказами, часто далекими от реально случившегося и упускающими многие детали, причем именно те, которые и содержали обычно более интересные моменты. Зачастую они значительно искажают суть происходившего. Последнее особенно присутствует на студенческом сайте «Столяр рулит...». Несмотря на разнообразие ситуаций в этих, часто с любовью написанных заметках, пожалуй, незаслуженно мало внимания уделяется еще двум «ипостасям» этого многогранного Человека: участию в войне и бытовой экспедиционной жизни. Учитывая эти упущения, я и осмелился несколько заполнить данный «пробел», представив на ваш суд некоторые свои воспоминания именно по этим темам, как непосредственный свидетель и участник событий.

Будучи знаком с преподавателем кафедры археологии ЛГУ/СПбГУ (с 1972 г. ее возглавлявшим) А.Д. Столяром с 1965 г., а в последние 40 лет получив от Учителя «привилегию» называться его личным другом, которую всегда осознавал и до сих пор считаю за особую честь и доверие Мэтра, будучи в эти годы неоднократно в совместных с ним лекционных, экскурсионных, экспедиционных поездках по Норвегии, Швеции, Финляндии, Эстонии, Кольскому полуострову, помня застольные беседы и дискуссии у него и у меня дома, я и предлагаю небольшой очерк «по следам» разных, на мой взгляд, симпатичных событий.

Я неоднократно при удобном случае и в подходящие моменты пытался расспросить Абрама Давидовича о его военном прошлом. Но всегда, как и другие, получал скупой ответ: «в августе 1941 г. добровольцем ушел на фронт, воевал на Ленинградском, потом Волховском фронтах, был ранен, награжден орденом и медалями». И ВСЁ. Он никогда не любил рассказывать о своих военных буднях, ограничиваясь короткой фразой:

«особых подвигов не совершал, были более достойные, а лишения и горечь потерь словами не передать». Иногда, уже значительно позже, он отсылал меня к книге «Воспоминания о войне» своего давнишнего, еще с эрмитажных времен, друга, члена-корреспондента Российской академии художеств Николая Николаевича Никулина, которого хорошо знал и любил и чью кончину в 2009 г. очень тяжело переживал. Вот его он считал истинным героем, солдатом-фронтовиком, дошедшим до Берлина и как особый его подвиг отмечал, что его Друг написал и опубликовал горькую, суровую и страшную правду о войне.

Очень мне запомнился один случай, произошедший в середине 1990-х гг., когда из небольшого городка Киров Калужской области поздней осенью приехал в очередной раз навестить меня отец, Яков Иванович (1917 г.р.). Сидим с ним и моими детьми, Кириллом и Федором, в квартире на Ленинском проспекте. Дед «возится» с внуками и вдруг звонит Абрам Давидович и говорит: «Я тут недалеко от тебя, можно зайду в гости, чаю попьем?». О чем речь, отвечаю, конечно, буду очень рад, жду, непременно заходите. Минут через 20 заходит Столяр с пирожными, знакомлю его с отцом. Пьем чай с пирожными, начинается неторопливая, несколько скучная беседа о жизни в российской глубинке, о погоде и прочей незамысловатой чепухе, как это бывает часто при встрече с незнакомыми людьми. В какой то момент на вопрос Абрама Давидовича отец отвечает, что он бывший кадровый военный, гвардии майор в отставке, воевал на Ленинградском фронте младшим лейтенантом, командиром роты, в одной из атак был серьезно ранен, фашистская разрывная пуля вошла в правое плечо и вышла в левое, вырвав кусок спины шириной около 8 см. И тут произошло то, чего я никак не ожидал. Абрам Давидович оживился, резко встал и подошел к отцу. Тот тоже поднялся со стула и они молча крепко обнялись и долго так и стояли, как бы скрепляя фронтовое братство. А потом потекла оживленная беседа о военном лихолетье, которое они пережили и чудом остались живы, в процессе которой поступил вопрос-просьба, почти приказ: «Володя, неужели у тебя не найдется по 100 грамм старым встретившимся фронтовикам?». Принес, налили, стоя выпили за погибших друзей. Через пару часов, вдоволь наговорившись, прощались эти немолодые (обоим за 70) люди как родные, долго не видевшие друг друга люди. И тогда я вдруг осознал, почему многие воевавшие люди, в том числе и отец, и Абрам Давидович, так неохотно рассказывают о войне. Просто они понимают, что то, что они пережили, не только не передать словами, но будет еще и непонятно нам, не прошедшим таких страшных испытаний.

Эта встреча имела для меня особое значение и радостное продолжение в моей семье. Дело в том, что мой отец был, что называется, «военной косточкой» и всю жизнь хранил в душе надежду, что я пойду по его стопам и стану военным. Даже после того, как я в 14 лет переболел корью, давшей осложнение на глаза, и надел очки, он не оставил эту мечту, сказав: «Ну что же, будешь военным медиком». Я же, помотавшись с родителями 11 лет по разным военным городкам (Псковская область, Эстония и т.д.), эту идею не приветствовал, тем более «заболев» еще в 6 классе историей и археологией, но желая сохранить отцовское спокойствие и по совету мамы Анны Тимофеевны и деда Тимофея Ефимовича, которые хорошо были осведомлены от учителей о моем пристрастии, особенных возражений отцу не выказывал. Это мне, правда, «аукнулось» в дальнейшем. После окончания школы с выбором города поступления у меня проблем не было. На семейном совете решили — Ленинград, именно там врачи спасли от неминуемой смерти тяжело раненного отца. Как он вспоминал, помимо нескольких операций, первоклассного

ухода и, по возможности, усиленного питания ему еще ежедневно давали полстакана жидкого животного жира, чтобы затягивалась ужасная рваная рана на полспины. И это в блокадном, голодном городе. Отец прекрасно понимал, чего это стоило и забыть такое никогда не мог. А вот с ВУЗом было не так просто. Мои жалкие попытки сказать, что совсем не хочу быть ни медиком, ни военным, не имели ощутимых успехов. Тем более, что местный военкомат выдал мне направление-характеристику на поступление в ВОЕНМЕД им. Кирова. Так и уехал поступать. Только мать и дед Тимофей Ефимович Гавриков, участник трех войн (гренадер в Первую мировую, красный боец в Гражданскую, ездовой в Отечественную) знали про мое пристрастие, но держали это в тайне. После сдачи экзаменов послал телеграмму: поступил, правда, «скромно» не указав куда. А поступил я на вечернее отделение кафедры археологии Исторического факультета ЛГУ и одновременно на завод токарем, благо уже дома имел третий разряд по этой специальности. Мой план раскрыт был через год, когда на станции Фаянсовой, что ближайшая к Кирову, меня поздней осенью встречали отец и дед. Увидев вытянувшегося на 10 см худого сына с рюкзаком, да еще с козлиной бородкой (прибыл прямо из студенческой Нижнедонской экспедиции Т.Д. Белановской), отец, опешив, «рвкнул» командирским голосом: «Почему не в форме, да еще и небрит». Дед, выручая внука, поняв, что дальше тянуть бессмысленно, сказал по-крестьянски просто: «Ну что ты, Яша, постой, охолонься, у них, у архИОЛУгов, такая форма». После этого отец долго со мной не разговаривал, переживая крушение своей мечты. Даже много позже, когда я закончил университет, аспирантуру, защитил диссертацию, побывал во многих зарубежных странах, отец все еще не редко ворчал: «Что это за профессия такая непонятная, пошел бы в военные, был бы уже полковником». Слегка смягчило это его неприятие, пожалуй, только, когда я ему заявил (грешен, присочинил), что защита кандидатской диссертации приравнивается к майорскому званию.

И вот тотчас, после встречи с Абрамом Давидовичем отца словно подменили. Долго восхищенно говорил о нем, уже убеждая меня, что раз меня учили такие люди, то он понимает мой выбор, что я должен гордиться знакомством с таким феноменальным человеком. Вот так, за пару часов, благодаря огромному обаянию Абрама Давидовича завершился застарелый семейный спор об археологии. А отец с тех пор стал даже делать вырезки из газет и журналов с материалами по археологии, демонстрировать их мне при встречах и требовать пояснений, если встречались непонятные места. И делал это до самой смерти.

Как-то ранней весной в конце 1980-х гг., когда я уже был начальником Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН, подошел ко мне на кафедре профессор Столяр и, загадочно улыбаясь, сказал: «Владимир Яковлевич (что уже было необычно, так он обращался ко мне разве только на конференциях, но никогда в быту), могу я Вас (опять необычно) попросить об одном одолжении? Помните, когда Вы нашли первые наскальные изображения на Кольском, я первый признал их подлинную древность. Не забыли? А я очень хочу поехать в экспедицию на Кольский север. Возьмете? Я давно это задумал, но пока экспедицию возглавляла Н.Н. Гурина никак не мог просить ее о зачислении в состав» (относился он к ней крайне негативно, называя «выдвиженкой», что имело в его понимании презрительный смысл). Отвечаю: «Конечно, Абрам Давидович, с удовольствием. Мы, в конце июня небольшой группой (шофер, я, фотограф Паша Иванов и геолог Гена Шейко) на машине ГАЗ-66 собираемся на полуостров Рыбачий в Мурманскую область. Будете пятым сотрудником». «Это там у тебя еще писаницы новые?»

спрашивает. «Да, еще и масса древних стоянок и мест героических событий последней войны». «Очень хорошо, только одно условие—зачислишь меня в состав экспедиции ЛАБОРАНТОМ». «Да что Вы, Абрам Давидович, хотите, чтобы меня все гуманитарные учреждения страны высмеяли и подвергли остракизму? “Слыхали, у Шумкина в экспедиции профессор Столяр в лаборантах ходит”. Хуже не придумаешь». Но убедить не смог. Пришлось идти другим путем. В Институте оформил его ведущим научным сотрудником, д.и.н., профессором, как и полагается, но попросил чистую копию командировочного удостоверения, куда и вписал, помимо ФИО Столяра, должность ЛАБОРАНТ-КОНСУЛЬТАНТ. После экспедиции спустя год, правда, признался в подлоге, и милостиво был прощен.

И вот доехав на машине до Мурманска, закупив продовольствие, встречаем Столяра в аэропорту. Появляется профессор в шляпе, летнем темно-сером дождевике, обут в полуботинки, с небольшим рюкзаком на плече и с туго набитым портфелем (как потом выяснилось, там были непрочитанные газеты «Аргументы и факты» за многие месяцы). Уговариваем его сесть в кабину. Сопrotивляется, говорит—никаких привилегий, как все. Убеждаем только тем, что я ему обещал показать Кольскую тундру, а из кузова многого не увидишь. Тихо говорю шоферу: «Сперва едем в Печенгу, надо экипировать профессора, иначе домой не вернем». В Печенге покупаем ему фуфайку, шапку, сапоги резиновые, помню, ярко розовые (других на его ногу не было). Зашли в книжный, где Абрам Давидович скупил все экземпляры книги В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба», посчитав удобным, раз мы на машине, добавив: «Буду дарить друзьям правдивую литературу».

По дороге на Рыбачий он восторгался суровой красотой тундры, особенно впечатлил перевал между «матерой» землей и полуостровом Средний, где дорога (если можно так назвать направление пути) всего в несколько километров «позволяет» даже такой мощной машине, как ГАЗ–66 двигаться со скоростью не более 2 км. в час. И вот мы прибыли в место слияния рек Майка и Пяйве, где будем изучать обнаруженные нами недавно писаницы. Соорудили лагерь (поставили шестиместную старенькую палатку, устроили очаг). Приступили к работе. Все что касалось быта и нашего стремления освободить Профессора от мелких хозяйственных забот, встречало его самое ожесточенное сопротивление. Он с энтузиазмом брался за любую работу: колоть дрова, носить воду, собирать дрова, разжигать огонь, даже ловить рыбу. Правда, надо сказать, что это у него довольно плохо получалось. Сибиряк-геолог Гена, проведенный в якутской тайге почти четверть века, в шутку присвоил ему квалификацию «рубщик дров 2 класса», что профессор принял с явной гордостью, пока не узнал от экзаменатора, что высший класс в этом деле десятый. С рыбалкой тоже был такой случай. Я дал ему в руки удилице, насадил червяка на крючок и сказал: «Закидывайте в воду, тут полно мелкой форели». Это, правда, он и так знал, т.к. Паша Иванов в 20 метрах от нас на противне уже жарил около 10 форелей. Увидев через минуту уныло стоящего Столяра с удилицем в руке, с поплавком давно ушедшим под воду, я громко крикнул ему: «Тащите». Мощный взмах удилица и рыба, взметнувшись ввысь, падает за его спиной. Он хватает рыбу и мчится к очагу, где слегка отстранив кулинара Павла, бережно кладет ее на свободное место на противень. Подождав пять минут, проговорив: «Вот, наконец-то и я добытчик», снимает с огня противень и начинает уплетать уже жареных форелей. Остановившись только где-то после пятой рыбины, он с горечью и в то же время осуждающе обращается ко мне: «Вот всегда так, Володя, ты же знаешь, что я блокадник, мне сколько не положи, все съем, мне нужно класть маленькими порциями, вот теперь всех оставил без ужина».

И это все под громкий добродушный хохот, т.к. в это самое время подошел к костру Гена с куканом на котором было около 15 только что пойманных форелей.

Было у нас всего два марлевых полога от комаров, их было мало в сей год, да и с моря ветерок сдувал. Мы решили один отдать шоферу (он спал в машине), а второй Столяру, который тут же заявил: «Никаких дискриминаций для меня, повесим торжественно внутри на входе в палатку». И настоял на своем.

А вот в осмыслении творчества древних художников на местных скалах ему не было равных. Мы уже давно обсуждали тему, как технически были выполнены краской (охрой, смешанной с жиром) эти изображения. Профессор несколько часов просидев перед рисованной профильной фигурой оленя, вдруг потребовал кружку с водой и отойдя к свободному месту на скальном останце, объявив мастер-класс, окунул три пальца в воду и уверенными поочередными движениями пальцев обозначил такую же фигуру. Затем победно вытер пальцы на поверхности вышележащего скального блока. Кстати, позднее мы нашли слабо различимые такие же охристые следы вытирания пальцев древнего живописца прямо над изображением одного из оленей. Ай да Профессор! А про сохранности Пяйвенских писаниц в течение многих тысяч лет Столяр высказался так. Древние люди заботливо располагали изображения под небольшими природными скальными «козырьками» и наносили их на поверхность в сухой период. А природная краска со временем въелась в камень. И подобные «проникновения» в жизнь древнего человека случались и позднее, на многих других памятниках, в частности, на петроглифах норвежской Альты, шведском Немфоршене, на Поное, на писаницах Финляндии.

Были и комически-трагические случаи. Погода стояла очень хорошая, тем более полярный день, и как-то, выбрав свободное время, мы решили с целью разведки прогуляться недалеко, на 8–10 км вдоль моря. Выбрали маршрут, но вначале нужно было перейти реку Майку, неширокую, метров 15 шириной и глубиной около 1 м. Лодки, конечно, не было. Пришлось переходить вброд. Разделись, держа в руках одежду и обувь, вышли на противоположный берег. Стали одеваться, обуваться. Смотрю, Абрам Давидович оделся, но свои розовые сапоги заботливо пакует под карликовые березки. Явно, что-то задумал. И точно, говорит, не хочу их поргить, и ноги заодно помассирую. Уговоры не удались. Поначалу все было хорошо, шли не быстро, но бодро, а потом началась сухая тундра с высохшим ягелем, а он как жесткая щетка, хрустит под ногами, да и острые каменистые участки стали попадаться. Сперва Столяр хорохорился: замечательный массаж, слабо, молодежь. Потом стал прихрамывать, а когда вышли к морю, то совсем обезножил, да и раненая нога давала себя знать. Вышли мы к морю на большой прекрасный песчаный пляж. Искупались в Баренцевом море, Столяру намного полегчало, он остудил и замочил ноги в морской воде, но мы уже понимали, что босиком ему обратно не дойти, поэтому стали рыскать по прибрежной линии в поисках какой либо обуви, зная, что мимо нашего полуострова проходит международная морская линия перевозок, а с судов море часто взимает дань, смывая при штормах с палуб всякую мелочь, в том числе и обувь, и услужливо выбрасывает ее на берег. Так и есть, набрали с десятков разнокалиберной обуви, разобрали на правую и левую и подобрали по размеру. Обратились шли медленно, но уже без больших остановок. Когда подошли к переправе, профессор первым делом кинулся к своим знаменитым сапогам и, любовно прижав их к груди, уже с нашей поддержкой («босоногое» путешествие давало себя знать) перешел реку. Но и после он расставался с сапогами только для ночлега. Так и вернулся в Питер на машине и в розовых сапогах. А потом долго хранил их на антресолях, иногда надевая в торжественных случаях, например, помню, при поездке на дачу.

Не менее показательный случай произошел у нас в палатке, да такой, что чуть нас привел в обморок, а все в результате своеобразного столяровского юмора. Дело было так. Ночуем в палатке, на входе повешен марлевый полог, параллельно лежат четверо мужчин, ногами ко входу. Первый, справа налево, у стенки я, далее Столяр, потом Паша Иванов и с другой стороны, тоже у стенки Гена Шейко. Шофер метрах в 10 спит в машине. Тихо, комаров нет, время, где-то 3 часа ночи, а незаходящее в июле полярное солнце «жарит» меня в левую щеку. Заснуть не могу. Полез левой рукой в карман палатки, вынул из пачки беломорину и спички и, немного приоткрыв полог, закурил. Курю, стараясь выпускать дым за палатку, но вдруг чувствую, что Столяр зашевелился и, вроде, приподнимается. Значит, не спит, как и я. «Дым мешает?», спрашиваю, «извините, знаю что Вы курить бросили». А он «нет», говорит, «продолжай», и рукой машет в свою сторону. «Обещали в Венгрию пустить для чтения лекций, но условие поставили, если курить брошу. Курить-то я бросил, а в Венгрию так и не пустили, а покурить все равно хочется, так я по-цыгански покурю, хоть дым понюхаю». потушил я папироску, не спим. И вдруг Абрам Давидович тихо говорит, да таким необычным, даже жалостливым голосом, какого я от него никогда не слышал: «Беда у меня, Володя, приключилась». Я напрягся. Говорю: «У нас лекарства разные есть в аптечке. Что болит, нога?». «Нет», говорит, «хуже». «Желудок?» «Нет». «Может быть с сердцем? Давайте я подниму нашего шофера и мы Вас в Печенгу, к врачу». «Да нет, тут никакая Печенга уже не поможет». Тут уже и наши «сопалаточники» зашевелились, поскольку разговор стал принимать серьезный оборот и становился все громче. И тут Профессор совсем трагическим голосом спрашивает: «Как ты считаешь, я жадный человек?» «Да что Вы, ну разве только до знаний». А он продолжает тем же голосом: «Скажи честно, когда ты был студентом, я много, часто вас мучил?» «Что вы, Абрам Давидович, мы вас все очень любили и уважали, ну а если и были строги иногда, так это только для нашей пользы». А сам думаю, ну, дела принимают совсем трагический характер, прямо предсмертная исповедь. И тут Гена Шейко громко его спрашивает: «Абрам (он единственный из нас с самого первого дня звал его только по имени, т.к. был близок по возрасту) так что случилось? Чем помочь? Сейчас носилки смастерю, спальник положим и в Печенгу». «Что, что», отвечает, «как тут можно помочь в такой беде...». Тут мне совсем уже плохо становится, спрашиваю: «Что за беда такая с Вами приключилась?» и смотрю на профессора в упор, стараясь рассмотреть какие-нибудь признаки недомогания. А он вдруг так хитро в полуулыбке, громко, уже обычным своим голосом провозглашает: «Конечно, как не беда — еврей». Тут я совсем стушевался, не зная, что сказать, чтобы не обидеть профессора, ведь любая моя реплика за или против этого его утверждения выглядела бы несуразно. Нашелся Гена, спросив: «Абрам, а что ты, прожив на свете уже более 60 лет, до сих пор этого не знал?» И тут раздался всеобщий, включая и шутника, такой хохот, что через пять минут прибежал полуголый шофер с криком: «Что, пожар или гуляем?». Теперь уже мудрый Паша выдал: «Еще одна такая шуточка, Абрам Давидович, и мы все поедем, но не в Печенгу, а прямо в желтый дом». А водитель потом утром долго нас пытал, чего мы так ночью веселились, выпивали, наверное, а его не позвали, на что ему резонно отвечали, что весь алкоголь именно у него в машине, в ящике, на котором он спит. Но никто сию тайну ему так и не выдал.

Немало еще случалось забавного в этой и других Кольских экспедициях (на Поное, в Ловозеро), в заграничных поездках, на конференциях, всего и не перечислить. Но оставим это для других случаев, иначе придется составлять многостраничную повесть. А если

добавить его собственные рассказы про своих коллег, учителей, которыми он особенно был богат и щедро с нами делился, то вообще целый роман получится

Многих, кому посчастливилось встречаться на жизненном и научном пути с Абрамом Давидовичем, поражали его острый ум, юмор, цепкая память, увлеченность работой, теплое, доброжелательное отношение к людям, готовность помочь, поддержать словом и делом. Заслуживает искреннего уважения его трепетное отношение к учителям и коллегам, которое неизменно передавалось новым поколениям.

Абрам Давидович навсегда останется в сердцах всех своих многочисленных друзей, младших товарищей, учеников. С любовью и благодарностью будем помнить прекрасного человека, доброго учителя, Почетного профессора СПбГУ Абрама Давидовича Столяра, горестно сознавая, одновременно уход и блестяще одаренной личности, и целой эпохи в петербургской археологии.

Рис. 1 А.Д. Столяр в Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН у скального останца с писаницами на р. Пяйве (п-ов Рыбачий)